

Трут Владимир Петрович*, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

Один из "чёрных" мифов российской истории (к вопросу о месте и роли казачества в революции 1905–1907 гг.)

Известные события в Петербурге 9 января 1905 г. стали точкой отсчёта первой русской революции, в бурные и трагические события которой в той или иной мере были вовлечены практически все социальные слои российского общества. Не стало исключением и казачество. При этом, правда, в общественном сознании на долгие десятилетия укоренился весьма категоричный и поверхностный взгляд на его участие в тех событиях исключительно в качестве карательно-охранительной силы, чему можно найти подтверждение в подавляющем большинстве работ советского периода¹. И даже в публикациях последнего времени нередко можно встретить утверждения, что "в начале революции казаки послушно выполняли роль прислужников полиции, бесчинствовали над безоружными гражданами, проявляли зверства в разгроме демонстрантов, в стрельбе по ним. Вполне заслуженно слова "казак" и "казачья нагайка" стали тогда символом палачества"². Другие исследователи при рассмотрении данного вопроса сосредоточивались в основном на революционных и антиправительственных выступлениях казаков³, оставляя за рамками обсуждения "неудобные" темы. Однако существуют и работы, в которых

* trut.vladimir@rambler.ru.

¹ См., например: *Бовыкин В. И.* Революция 1905–1907 годов / В. И. Бовыкин. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. 95 с.; *Вержбицкий З. Г.* Революция 1905–1907 гг. в России / З. Г. Вержбицкий. М. : Знание, 1974. 64 с.; Исторический опыт трёх российских революций / гл. ред.: П. А. Голуб и др. В 3 кн. Кн. 1 : Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России. М. : Политиздат, 1985. 575 с.; *Футорянский Л. И.* Казачество в революции 1905–1907 гг. / Л. И. Футорянский // Учёные записки. Пермский и Оренбургский пед. ин-ты. Общественные науки. Пермь, 1969. Вып. 32. С. 84–100 и др.

² Цит. по: *Футорянский Л. И.* Казачество России на рубеже веков / Л. И. Футорянский. Оренбург : Димур, 1997. С. 198.

³ См., например: *Корчин М. Н.* Донское казачество (из прошлого) / М. Н. Корчин. Ростов н/Д. : Облиздат, 1949. 192 с.; *Бабичев Д. С.* Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов / Д. С. Бабичев ; Ростов н/Д. гос. ун-т. Ростов н/Д., 1969. 211 с.; *Трёхбратов Б. А.* Первые шаги... Выступление армейских и казачьих частей на Северном Кавказе в период революции 1905–1907 гг. / Б. А. Трёхбратов. Краснодар : Кн. изд-во, 1989. 128 с.; *Футорянский Л. И.* Казачество в революции 1905–1907 гг. / Л. И. Футорянский // Научная сессия по истории первой русской революции 1905–1907 гг.: Тезисы докладов. М., 1965. С. 232–242 и др.

даётся объективный анализ событий тех лет⁴. А значит, данная проблемануждается в дальнейшем всестороннем изучении и беспристрастном научном осмыслении, что является, пожалуй, одной из наиболее актуальных задач современной исторической науки.

После начала революции кроме полиции и жандармерии правительственные органы начали всё чаще привлекать к борьбе с различными революционными и стихийными анархистскими выступлениями армейские подразделения. Причём активность и масштабы их использования неуклонно увеличивались по мере роста революционного движения. Коснулось это, конечно же, и казачьих частей⁵.

Если в начале революции для борьбы с беспорядками использовались все находившиеся в армии казачьи полки первой очереди⁶ и часть полков Кубанского казачьего войска второй очереди, то уже 22 февраля 1905 г. была проведена первая частичная мобилизация второочередных полков из других казачьих округов империи, 16 из которых было направлено на "внутреннюю службу"⁷. В июне-июле дополнительно мобилизовали ещё 9 второочередных казачьих полков, а в августе ещё 3⁸.

Осенью 1905 г. встал вопрос о более масштабном использовании казачьих частей и подразделений для борьбы с антиправительственными выступлениями. 1 ноября по высочайшему повелению было мобилизовано 12 третьоочередных льготных сотен Оренбургского, 24 второочередных и третьоочередных сотен Донского и 12 льготных конных сотен Кубанского казачьих войск⁹. По другим данным, в это время было мобилизовано 18 сотен третьей очереди Оренбургского, 24 сотни второй очереди Донского и 6 пластунских батальонов Кубанского казачьих войск¹⁰. Причём казаки всех этих подразделений призывались в армию исключительно с целью поддержания порядка в разных губерниях страны. Во многом это было поистине беспрецедентное решение, поскольку оно шло в разрез не только с давно установленным и строго соблюдавшимся ранее

⁴ См., например: Демешина Е. И. Казачество Дона в революции 1905–1907 гг. / Е. И. Демешина // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. / отв. ред. А. И. Козлов. Ростов н/Д., 1995.

⁵ Так, уже во время "Кровавого воскресенья" 9 января 1905 г. в Петербурге против народного шествия было выставлено 19 пехотных полков, гвардейский экипаж, отдельный сапёрный батальон и 8,5 сотен лейб-гвардии Атаманского и лейб-гвардии Казачьего полков (см.: Начало первой русской революции. Январь – март 1905 года. Док. и материалы / под ред. Н. С. Трусовой. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 147–149).

⁶ Казаки призывного возраста зачислялись на 3 года в так называемый *приготовительный разряд* и проходили начальную военную подготовку в специальных военных лагерях на территориях своих округов. Затем на 12 лет их переводили в *строевой разряд*, подразделявшийся на три очереди: первая очередь – 4 года (действительная военная служба), вторая очередь – 4 года (части постоянной мобилизационной готовности, ежегодно проходящие 3-недельные военные сборы); третья очередь – 4 года (1 лагерный сбор). После этого казаки зачислялись в *запасной разряд*, а через 5 лет переводились "на льготу" и в случае войны могли призываться только в ополченские (т.е. добровольные) формирования. Фактически казаки числились военнообязанными и до 1909 г. несли военную службу в течение 20 лет (затем срок пребывания в подготовительном разряде был сокращён до 1 года).

⁷ Футорянский Л. И. Казачество России на рубеже веков. С. 108.

⁸ Там же.

⁹ Трёхбратов Б. А. Указ. соч. С. 8.

¹⁰ Футорянский Л. И. Казачество России на рубеже веков. С. 108.

порядком, при котором мобилизовать льготные казачьи части можно было только в случае войны, но даже и с действовавшим тогда законодательством. Ведь согласно, скажем, законодательному статусу "Устава о воинской повинности Донского казачьего войска" от 1874 г. мобилизация и вывод с территории Донской области казачьих частей и подразделений второй и третьей очередей в мирное время не допускались, т.е. использоваться ("употребляться", как говорилось в Уставе) они должны были только в войне с внешним врагом.

Однако это обстоятельство не смущало правительственных чиновников, сильно обеспокоенных прежде всего вопросами ликвидации всех – и революционных, и откровенно погромных – народных выступлений.

Число казачьих частей, которые "употреблялись" с этой целью, росло, и уже 26 ноября 1905 г. все казачьи *войска* страны¹¹ получили "высочайшую" благодарность "за их самоотверженную, неутомимую и верную службу Царю и Родине" как на фронтах войны, так и при поддержании порядка внутри империи¹². А 31 декабря последовала особая благодарность "донскому казачеству за ревностную службу"¹³.

Ширились и масштабы мобилизации в армию льготных казаков и казаков второй и третьей очередей. К началу 1906 г. было призвано уже 125 казачьих полков (для сравнения: в начале 1905 г. – 81 полк)¹⁴. В феврале 1906 г. была проведена последняя в тот революционный период мобилизация казачьих частей третьей очереди, в ходе которой для "внутренней службы" было сформировано 12 казачьих сотен¹⁵.

В результате массовых призывов в армию в **Донском казачьем войске**, например, к началу 1906 г. были полностью мобилизованы все части и подразделения второй очереди за исключением артиллерийских. Чуть позже, в том же году, были мобилизованы даже некоторые третьеочередные донские части (35-й, 36-й, 41-й полки)¹⁶. Всего же во время первой революции после всех проведенных мобилизаций в строю находилось 39 донских полков¹⁷ и 36 отдельных донских сотен¹⁸.

¹¹ Казачье население отдельных территорий (например, Кубанское казачье войско, Донское и др.). – *Прим. ред.*

¹² Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. Справочная книжка Императорской Главной квартиры / под ред. В. К. Шенка; сост. В. Х. Казин. Репр. воспр. текста изд. 1912 г. Б.м.: Доваль, 1992. С. 9. Место вып. ориг. изд. и изд-во: СПб.: Б. и.

¹³ *Бабичев Д. С.* Указ. соч. С. 37.

¹⁴ Второй период революции: 1906–1907 гг. : в 3 ч. / под ред. Г. М. Деренковского (отв. ред.) и др. ; АН СССР, Ин-т истории, Гл. арх. упр., Центр. гос. воен.-ист. архив. Ч. 1 : Январь – апрель 1906 г. Кн. 1 / сост. В. Н. Автократов и др. М. : Изд-во АН СССР, 1957. С. 627.

¹⁵ *Футорянский Л. И.* Казачество России на рубеже веков. С. 108.

¹⁶ *Сватиков С. Г.* Россия и Дон. (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону / С. Г. Сватиков ; Изд. Донской Истор. Комис. Белград, 1924. С. 475.

¹⁷ В том числе лейб-гвардейский Атаманский, лейб-гвардейский Казачий, 1-й, 36-й и 41-й Донские казачьи полки. К тому же находившиеся на русско-японском фронте 19-й, 24-й, 25-й и 26-й Донские казачьи полки 4-й Донской казачьей дивизии не были демобилизованы даже после ратификации 2 октября 1905 г. мирного договора между Россией и Японией и тоже направлялись на "внутреннюю службу".

¹⁸ С 1-й по 36-ю отдельные Донские казачьи сотни. Позднее сотни с 13-й по 36-ю включительно были сведены в 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Сводно-Донские казачьи полки, и всего

В **Кубанском казачьем войске** помимо всех первоочередных, некоторых второочередных полков и пластунских батальонов в то время были мобилизованы все второочередные части¹⁹. В Русско-японской войне участвовали только два первоочередных кубанских полка – 1-й Екатеринодарский и 1-й Уманский, а также 6 пластунских батальонов второй очереди и 1-я батарея Кубанского войска²⁰.

В 1905–1906 гг. кроме всех несших действительную военную службу полков первой очереди **Терского казачьего войска** (1-й Сунженско-Владикавказский и 1-й Кизляро-Гребенской казачьи полки сражались на фронте в Маньчжурии) были мобилизованы все части второй очереди²¹.

Для "поддержания порядка внутри империи" в 1906 г. были полностью мобилизованы все три полка **Астраханского казачьего войска**²², а также все части и подразделения **Уральского казачьего войска** (за исключением находившихся на фронте 4-го и 5-го Уральских казачьих полков)²³. В 1905–1906 гг. были также мобилизованы все его полки и сотни **Оренбургского казачьего войска**, кроме воевавших на Дальнем Востоке 1-го, 9-го, 10-го, 11-го и 12-го полков²⁴. В те же годы аналогичные мероприятия проводились и в **Сибирском казачьем войске** (4-й, 5-й, 7-й и 8-й Сибирские казачьи полки находились на фронте, а все остальные части и войска – на "внутренней службе")²⁵. В 1905 г. были мобилизованы все 3 полка **Семиреченского казачьего войска**²⁶. После окончания Русско-японской войны **Забайкальское казачье войско** в полном составе принимало участие в ликвидации "беспорядков" на Дальнем Востоке²⁷. В это же время на борьбу с революционными выступлениями в крае были брошены все части и подразделения **Амурского** и **Уссурийского казачьих войск**²⁸ (правда, к октябрю 1906 г. все их третьеоочередные полки были демобилизованы²⁹).

Всего же на "поддержание порядка" внутри страны было направлено, по официальным данным Главного управления казачьих войск, до 17 % всех взрослых казаков (около 110 тыс. человек)³⁰. Из них примерно 50 тыс. составляли казаки второй и третьей очередей строевого разряда³¹. Иные сведения, приводимые в некоторых публикациях, где говорится о 133 тыс. 377 казаках только Донского войска³², почерпнуты, видимо, из периодической печати и явно завышены, если не сказать просто нереальны.

донских полков стало 43 (см.: Казачьи войска. Краткая хроника... С. 107; *Сватиков С. Г.* Указ. соч. С. 475).

¹⁹ Казачьи войска. Краткая хроника... С. 168.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 202.

²² Там же. С. 211.

²³ Там же. С. 231.

²⁴ Там же. С. 267.

²⁵ Там же. С. 282.

²⁶ Там же. С. 290.

²⁷ Там же. С. 307.

²⁸ Там же. С. 323.

²⁹ См.: *Футорянский Л. И.* Казачество России на рубеже веков. С. 109.

³⁰ *Трѣхбратов Б. А.* Указ. соч. С. 107.

³¹ *Футорянский Л. И.* Казачество России на рубеже веков. С. 109.

³² *Демешина Е. И.* Указ. соч. С. 85.

Примечательно, что в 1905 г. численность казаков, брошенных на борьбу с беспорядками и для усиления пехотных армейских частей, в 4,7 раза превышала численность выделенных для этих же целей кавалерийских подразделений, составлявших тогда около 10 % всех военнослужащих русской армии. Однако активность использования кавалерийских частей при этом была примерно в 1,5 раза выше, чем пехотных (в 1906 г. этот показатель увеличился до 2,5, а в 1907 г. значительно уменьшился)³³. В то же время казачьи части по сравнению со всеми другими войсками использовались для подавления антиправительственных выступлений лишь в 11,7 % случаев³⁴. Приведённые данные убедительно свидетельствуют о том, что утверждения о какой-то особой роли казачьих частей в борьбе с народными возмущениями (или, по терминологии того времени – в "усмирениях") не соответствуют действительности.

В ходе революции казачьи части и подразделения привлекались, как и все другие армейские формирования, для выполнения самых разных заданий – от разгона митингов и демонстраций, борьбы с забастовщиками и стихийными выступлениями крестьян до охраны важных объектов и даже отдельных помещичьих имений, а также для усиления полиции при патрулировании и поддержании порядка в городах. И казаки, как правило, беспрекословно выполняли все приказы командования, поскольку в то время такие морально-нравственные принципы, как высокое чувство ответственности, верность воинскому долгу и присяге, исполнительность, неукоснительное следование всем законодательным установлениям, были для них непреложными. При этом можно особо отметить, что среди этих принципов наиболее значимой для казаков являлась, безусловно, верность воинскому долгу, а значит, и весь тот порядок, в котором воплощалась высокая идея служения Родине. Поэтому отношение казачества к армейской службе было очень серьёзным и ответственным, а сама она рассматривалась как одна из государственных обязанностей. Незыблемыми представлялись казакам и все основы существовавшего тогда политического строя и государственного устройства. Кроме того, с известной долей осторожности можно говорить о том, что тогда в казачьей среде господствовал своеобразный воинский корпоративный дух, поэтому казаки отличались не только чувством высокой гражданской ответственности, но и известным консерватизмом мышления. И последнее обстоятельство самым непосредственным образом сказывалось на устойчивости их традиционных взглядов и представлений о существующих порядках³⁵.

Всё это вместе взятое, а также целый ряд других важных факторов сугубо практического характера, о чём будет сказано ниже, способствовало активному привлечению казачьих частей для "внутренней службы" государству. И они, как правило, неукоснительно исполняли все приказы. Взамен правительство, заинтересованное в дальнейшем привлечении казачьих подразделений для выполнения полицейских функций, предоставляло казакам различные компенсации, в том числе и финансовые.

³³ *Футорянский Л. И.* Казачество России на рубеже веков. С. 110–111.

³⁴ Там же. С. 111. (Табл. 2).

³⁵ См.: *Трут В. П.* Казачий излом. Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революции 1917 года / В. П. Трут. Ростов н/Д. : Гефест, 1997. С. 53–54.

6 февраля 1907 г. Главное управление казачьих войск направило ходатайство в Совет министров о выделении 7,5 млн руб. на поддержание хозяйств мобилизованных казаков³⁶. А уже 17 февраля того же года по указанию Николая II Государственный совет принял постановление о субсидиях в размере 5,2 млн руб.³⁷ Из этих средств каждый мобилизованный на "внутреннюю службу" казак получал немалую по тем временам сумму в 207 руб.³⁸ Однако не стоит быть излишне категоричным и считать это прямым подкупом³⁹. Тогдашняя действительность была намного сложнее, и все её проблемы и противоречия, в том числе и отношение казачества к полицейской службе, не стоит упрощать и сводить к сугубо материальным аспектам. Как справедливо отмечал М. П. Богаевский, на эту службу казачество шло не из-за пособий и обещаний "ублаготворить различными милостями, но потому, что в душе казачества жило сознание государственной необходимости и мысль о незыблемости"⁴⁰.

Немало споров возникало среди исследователей и по вопросу о масштабах использования казачьих частей при подавлении различных выступлений в период первой русской революции. Большинство авторов утверждали (хотя и не подкрепляя свою точку зрения конкретными данными), что масштабы эти были очень и очень значительными. И только в работах отдельных историков содержались точные цифры, которые свидетельствовали, что доля привлечённых для борьбы с "внутренними беспорядками" казачьих частей и подразделений в общей численности использовавшихся для этого войск русской армии в 1906 г. составляла 16,7 %⁴¹, а в следующем – 12,6 %⁴². Эти данные можно оценивать по-разному: и как довольно значительные, и как не слишком большие. Однако если говорить объективно, учитывая при этом долю казачьих частей в общем составе русской армии того времени, то можно, на наш взгляд, сделать вывод, что, несмотря на относительную "скромность", они свидетельствуют о солидном участии казачьих формирований в борьбе с революционными выступлениями.

Почему же правительственные органы с такой охотой прибегали к использованию именно казачьих подразделений? По нашему мнению, правящие круги учитывали целый ряд серьёзных моментов, начиная от идейно-политических воззрений казаков и их моральных качеств до сугубо практических соображений. К сожалению, на последнее обстоятельство в исторической литературе внимания практически не обращалось. Между тем это очень важный момент, на который ещё в то время указывали некоторые видные царские сановники, непосредственно руководившие борьбой с антиправительственными выступлениями, которые, естественно, исходили из своих служебных интересов и были самым непосредственным

³⁶ *Трѣхбратов Б. А.* Указ. соч. С. 106–107.

³⁷ *Бабичев Д. С.* Указ. соч. С. 38.

³⁸ *Мужев И. Ф.* Казачество Дона, Кубани и Терека в революции 1905–1907 гг. / И. Ф. Мужев. Орджоникидзе : Северо-Осетинское кн. изд-во, 1963. С. 65.

³⁹ См., например: *Бабичев Д. С.* Указ. соч. С. 38.

⁴⁰ Цит. по: *Богаевский М. П.* Русская революция и казачество / М. П. Богаевский // Донская волна. 1918. № 14. С. 7.

⁴¹ См.: *Футорянский Л. И.* Казачество России на рубеже веков. С. 111. (Табл. 21).

⁴² Там же.

образом заинтересованы в максимально быстром и эффективном противодействии любым противозаконным действиям. При этом в большинстве случаев они старались использовать в первую очередь кавалерийские подразделения, для чего были как минимум две причины.

Во-первых, когда против манифестантов, забастовщиков или демонстрантов бросали пеших солдат, то жертв в результате таких столкновений было, как правило, много, а это зачастую приводило к росту возмущения и революционной активности масс. Об этом, в частности, со всей очевидностью свидетельствовал кровавый опыт трагических событий и в Петербурге 9 января 1905 г., и во многих других городах страны. Отмеченное обстоятельство ясно осознавали многие видные правительственные чиновники. Один из них, товарищ (заместитель) министра внутренних дел в кабинете П. А. Столыпина, а позже – заведующий делами департамента полиции генерал П. Г. Курлов, в своих воспоминаниях, опубликованных уже в эмиграции, в начале 20-х гг. особо отмечал, что он лично был "врагом применения пехоты для подавления беспорядков, так как прекрасно знал, что при современном состоянии оружия столкновение толпы с пехотными частями неизбежно влекло за собой значительные человеческие жертвы, а потому прибегал всегда в таких случаях к кавалерии"⁴³.

Во-вторых, конные подразделения были наиболее мобильными, их можно было очень быстро перебрасывать в отдалённые районы, города и особенно сёла, охваченные волнениями. Ну, а поскольку казачьи полки и сотни составляли большую часть всей кавалерии русской армии, то вполне понятно, что именно они довольно часто использовались против восставших.

Приведённое выше мнение авторитетного царского сановника было далеко не единственным. Практически все ответственные чиновники Министерства внутренних дел неоднократно заявляли, что "при возникновении крестьянских беспорядков испытывается необходимость в военных силах, главным образом казачьих частях как наиболее подвижных и пригодных для указанной цели"⁴⁴. Такого же мнения, исходя из анализа конкретной обстановки и имевшегося практического опыта, придерживались и главы губерний. Так, генерал Цехановский, который в 1905 г. был губернатором Уфимской губернии, отмечал в своих воспоминаниях: "Когда крупные земельные беспорядки разыгрались в двух соседних губерниях (Казанской и Самарской) и докатились до Уфимской губернии, нужна была конница, чтобы быстро перебрасывать в каждую угрожающую местность и вовремя парализовать всякое поползновение к грабежу"⁴⁵. Далее он указывал, что "наиболее пригодным для поддержания порядка в деревнях" являлось соседнее с Уфимской губернией Оренбургское казачье войско. "Я отправлял телеграмму за телеграммой министрам – военному и внутренних дел, – писал бывший губернатор, – настаивая на безусловной необходимости присылки трёх казачьих эскадронов [*т.е. всего трёх*

⁴³ Цит. по: Курлов П. Г. Гибель императорской России / П. Г. Курлов. М. : Современник, 1991. С. 48.

⁴⁴ Цит. по: Футорянский Л. И. Казачество России на рубеже веков. С. 112.

⁴⁵ Цит. по: История казачества азиатской России : в 3 т. / гл. ред. В. В. Алексеев ; Урал. отд-ние. Ин-т истории и археологии РАН. Екатеринбург : Тип. Урал. раб., 1995. Т. 2 : Вторая половина XIX – начало XX века. С. 89.

сотен человек. – Прим. авт.] в Уфимскую губернию, чтобы быть в состоянии везде поддерживать порядок"⁴⁶.

Стоит обратить внимание и на сугубо технические аспекты частого применения казачьих формирований для разгона митингов и демонстраций. Этот вопрос только однажды затрагивался в статье Б. А. Алмазова⁴⁷. По его мнению, система обеспечения безопасности в городах царской России была тщательно спланирована и работала весьма эффективно. Наряду с чётко функционировавшими полицейскими и пожарными частями существовали конная полиция и конная жандармерия, постоянно участвовавшие в разгоне демонстраций. Наряду с ними в этих акциях нередко участвовали и казачьи сотни. По мнению Б. А. Алмазова, причины для этого были чисто технические и заключались в особенностях казачьей экипировки.

Как правило, казаки сидели в мягких высоких "кавказских" сёдлах, в которых всадник держался гораздо прочнее, чем в обычном седле строевого образца. Кроме этого, в иррегулярных казачьих частях применялся простой, но веками проверенный и очень эффективный способ, позволявший всаднику прочно держаться в седле, даже сражаясь в самой гуще пехоты: стремя под брюхом коня состёгивались специальным прочным ремнём, что во много раз повышало устойчивость седла. Выбить из него всадника было труднее, чем повалить коня⁴⁸. Таким образом, основным средством рассеивания толпы становилась лошадь, умело управляемая всадником. Зачастую именно это позволяло весьма немногочисленным казачьим подразделениям без большого кровопролития и жертв разгонять многочисленные митинги и демонстрации, собиравшие иногда по несколько тысяч человек.

На разгон демонстраций казаков направляли, как правило, без огнестрельного оружия. Против демонстрантов и участников митингов они могли использовать только ставшие притчей во языцех нагайки, которые полагались каждому казаку как обязательный компонент его экипировки. Они предназначались для подстёгивания коня, поскольку в силу сложившихся традиций казаки, в отличие от всех других кавалеристов, не имели шпор. В экипировке казаков имелись нагайки двух видов. Одни представляли собой обыкновенную плетёную на обтянутой кожей деревянной или костяной рукоятке с расширением на конце. Покалечить такой нагайкой было невозможно, максимум – нанести оглушающий удар. Нагайки второго вида представляли собой гораздо более серьёзное оружие – оплетённый кожей стальной трос или тонкую цепочку со специальным мешочком на конце, в котором лежали пули или кусочки свинца. Такая нагайка весила до двух килограммов и действительно могла причинить тяжёлые увечья. Но во взводе их имели при себе только 2–3 вахмистра из числа опытных старослужащих. Да и они имели право применять их только в крайних случаях, главным образом против находившихся среди демонстрантов вооружённых экстремистов, боевиков

⁴⁶ Цит. по: История казачества азиатской России : в 3 т. / гл. ред. В. В. Алексеев ; Урал. отд-ние. Ин-т истории и археологии РАН. Екатеринбург : Тип. Урал. раб., 1995. Т. 2 : Вторая половина XIX – начало XX века. С. 89.

⁴⁷ См.: Алмазов Б. А. Казаки и демонстрации / Б. А. Алмазов // Казачьи войсковые ведомости : Спец. вып. 1990. № 1. С. 6–7.

⁴⁸ Там же. С. 6.

и хулиганов⁴⁹. К тому же и простые нагайки казаки использовали при разгонах митингов и демонстраций далеко не всегда. В большинстве случаев толпа обращалась в бегство от одного вида выносившейся им навстречу со свистом и гиканьем казачьей конницы⁵⁰. Известный историк Г. Е. Миронов подчёркивал, что всадник, сидевший на высоте двойного человеческого роста, сам по себе уже выглядел весьма внушительно. Эффективность действий кавалеристов, по его мнению, была такой, что иногда даже толпу в 5 тыс. человек рассеивали взвод полицейских, полувзвод конных жандармов и взвод казаков, т.е. всего 70–100 человек⁵¹.

Все отмеченные обстоятельства вместе взятые и послужили причиной частого привлечения казачьих подразделений для выполнения жандармско-полицейских функций.

В общем и целом казачьи части, как и другие армейские подразделения, безусловно, внесли свой "вклад" в дело подавления революционных выступлений, на что вполне справедливо указывали и многие отечественные, и некоторые зарубежные исследователи⁵². В то же время не следует впадать в крайность и утверждать, что, например, "казаки подавили революцию", "задушили свободу", играли роль "опричников", "нагаечников" и т.п.⁵³ Их доля в общем количестве войск, брошенных правительством "на усмирения", отнюдь не была преобладающей.

Надо сказать, что вопрос о привлечении казаков к несению жандармско-полицейской службы довольно живо обсуждался тогда в обществе и даже в стенах Государственной думы. И отношение к нему было далеко не однозначным. Так, представители революционно-демократической и либеральной групп общества резко отрицательно отзывались о роли казаков в развернувшихся событиях. Сторонники правительства и консерваторы их действия одобряли. Позднее некоторые представители казачьей интеллигенции пытались, основываясь на конкретных цифрах и фактах, дать конкретные ответы и тем, и другим. И их усилия не оставались незамеченными. В своё время большой общественный резонанс вызвали аргументированные статьи походного атамана Войска Донского П. Х. Попова в газете "Русское слово". Во время первой русской революции он служил штаб-офицером для поручений в штабе Московского военного

⁴⁹ См.: Алмазов Б. А. Указ. соч. С. 7.

⁵⁰ Там же. С. 49.

⁵¹ *Миронов Г. Е.* История государства Российского. Историко-библиографический очерк / Г. Е. Миронов. Кн. 2 : XIX век. М. : Кн. палата, 1995. С. 422.

⁵² См., например: *Floyd D.* Russia in Revolt. 1905: The First Crack in Tsarist Power / David Floyd. New York : Macdonald & Co, 1970. P. 37, 77, 84.

⁵³ Любая абсолютизация чревата искажениями. Можно ли заявлять, например, что революцию подавили крестьяне, лишь на том основании, что они составляли большинство солдат правительственных войск? Или, скажем, на том основании, что они участвовали в карательных экспедициях в Западной Сибири в войсках генералов П. К. Ренненкампа и П. А. Меллер-Закомельского? Или что крестьяне служили в Семёновском полку, прибывшим из Петербурга и разгромившим декабрьское 1905 г. вооружённое восстание в Москве? Конечно, нет. Более того, даже такая постановка вопроса вызывает недоумение. Солдат – вчерашних крестьян, рабочих и представителей других социальных слоёв – никто не называл душителями свободы. На каком же основании подобные ярлыки навешивались на казаков? Причины, видимо, следует искать прежде всего в тактических установках революционных партий и организаций, борющихся за власть, а также в воззрениях либеральной общественности того времени.

округа и в силу своего служебного положения располагал конкретной информацией. Как отмечали позднее современники, П. Х. Попов "с цифрами в руках доказывал необоснованность обвинений" в адрес казаков и выступал решительно против безапелляционно негативных обобщений⁵⁴. Правда, с другой стороны, свои статьи в таких печатных органах, как "Донская старина", "Донские областные ведомости", "Донской край", он зачастую заканчивал историческими справками об участии казаков в строительстве Русского государства и в полемическом запале утверждал, что именно "это их участие не только давало им право, но и налагало обязанность бороться с анархией и поддерживать порядок в стране"⁵⁵. Такие категоричные и далеко не бесспорные заявления лишь добавляли пищу для и без того острых дискуссий в обществе.

Несмотря на то, что основная масса армейского казачества послушно исполняла все приказы по "наведению порядка", со временем в его среде начало назреть отчётливое недовольство этими навязываемыми ему жандармско-полицейскими функциями. Более того, в некоторых случаях дело доходило до открытого неповиновения и даже до антиправительственных выступлений. И не только в среде казачества армейского (хотя именно там таких случаев было больше всего), но и станичного.

Ключевые слова: *революция 1905–1907 гг. – демонстрации – казачьи части – кавалерия – армейское казачество – станичное казачество.*

Ключевые слова: *1905–1907 revolution – demonstration – Cossack units – cavalry – army Cossacks – Cossacks from 'stanitsa'.*

⁵⁴ Падалкин А. К 100-летию со дня рождения генерала от кавалерии Петра Харитоновича Попова, к 50-летию Степного похода и начала антибольшевистских восстаний на Дону весной 1918 г. / А. Падалкин // Родимый край. 1969. № 80–81. С. 19.

⁵⁵ Цит. по: Падалкин А. Указ. соч.